

УДК [130+141.32](47)
ББК 87.3(2)53

КРИЗИС ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА В ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА

Р.С. ГРАНИН

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Проспект Вернадского, д. 82, стр. 1, г. Москва, 119571, Российская Федерация
E-mail: Grrrom@mail.ru

Анализируются кризисные явления духовной культуры Серебряного века в контексте философии культуры Н.А. Бердяева и в перспективе его эсхатологической метафизики. Показано, что эсхатология является «духом времени», которому свойственно стирание грани между творчеством автора и его биографией, искусством и жизнью. Приводится философское осмысление данного феномена у Н.А. Бердяева, полагавшего, что творчество рождается из недостатка и несовершенства, что оно антагонистично, с одной стороны, совершенству человека, с другой – совершенству культуры и в этом смысле является гранью между созиданием ценностей культуры и ростом личного совершенства. На основании философской позиции Бердяева, согласно которой кризис культуры представляется последней волей человека к переходу от символически-условных достижений к достижениям реально-абсолютным. Утверждается, что данный переход обуславливает возникновение утопического соблазна, желания отказаться от свободы в обмен на безопасность, от смертной личности в пользу безличного бессмертия. Делается вывод о том, что в условиях нашего мира утопия тоталитарна и безлична, а тоталитаризм всегда утопичен, поэтому мечтательный утопизм XIX столетия, пройдя через эсхатологические ожидания, сменился в России тоталитарной утопией XX века.

Ключевые слова: апокалиптика, эсхатология, утопизм, кризис культуры, декаданс, новое религиозное сознание, символизм, экзистенциализм, творчество, историософия, прогрессизм, антиутопия.

CRISIS OF SPIRITUAL CULTURE OF THE SILVER AGE IN THE ESCHATOLOGICAL PROSPECT OF NIKOLAY BERDYAEV

R.S. GRANIN

Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»,
82, p. 1, Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation

In the article the crisis phenomena of spiritual culture of the Silver Age in a context of philosophy of culture of N.A. Berdyaev and in the long term his eschatological metaphysics are analyzed. It is shown that eschatology is considered as «Zeitgeist» to which is peculiar the disappearance of side between creativity of the author and his biography, between art and life. It is given N.A. Berdyaev's philosophical judgment of this phenomenon, that creativity is born of flaws and imperfections, that on the one hand Creativity is antagonistically to perfection of the person, on another – to perfection of culture. In this sense, creativity is a side between creation of values of culture and personal perfection. All achievements of culture are symbolical, instead of realistic. Therefore crisis of culture is represented as the last will of the person to transition from symbolical and conditional achievements to achievements of reality and absolute. On the basis of Berdyaev's philosophical position, the conclusion is drawn that upon this transition the utopian temptation appears: to refuse freedom in exchange for safety, the mortal personality in favor of impersonal immortality. Therefore in conditions of our world the utopia is totalitarian and impersonal, and totalitarianism is always utopian that is why pensive utopianism of the XIX century, having passed through eschatological expectations, was replaced in Russia by a totalitarian utopia of the XX century.

Key words: *Apocalyptic, eschatology, utopianism, crisis of culture, decadence, New Religious Consciousness, symbolism, existentialism, creativity, historiosophy, progressizm, anti-utopia.*

Появившееся во французском литературном обиходе на исходе XIX столетия выражение «конец века» (*fin de siècle*) стало употребляться не столько в его хронологическом значении, сколько для обозначения особого умонастроения людей, живших в эту эпоху. Чувство «конца века» стало характерной чертой европейской культуры рубежа XIX–XX столетий. Оно сопровождалось «метаниями между ожиданием перемен, эйфорией в ожидании будущего, страхом перед этим будущим, эфемерностью бытия, чувством приближающегося конца света, пресыщением жизнью, очарованием смертью, беззаботностью, фривольностью и декадансом» [1]. В России это ощущение особенно было присуще Серебряному веку. При этом следует заметить, что русскому религиозно-философскому самосознанию вообще было свойственно апокалиптическое восприятие бытия и истории, внутренне связанное с утопическим и мессианским мировоззрением. Так, согласно В.В. Зеньковскому, над русской мыслью витает дух утопизма, свидетельствующий как о радикальной обращенности ее к последним целям истории, так и о неумении связать эти цели с исторической реальностью без насилия над нею¹.

¹ См.: Зеньковский В.В. История русской философии. В 2 т. Т. II. Ч. 1. Л.: Прометей, 1991. С. 150 [2].

Декаданс и апокалиптика Серебряного века пришли на смену «мечтательной» и «утопической», по выражению Г.В. Флоровского, эпохе в России второй половины XIX века². При этом следует отметить, что русской утопии нередко был свойственен критический оттенок, ироническое отношение к оптимистическому прогнозу, неслучайно антиутопический жанр впервые появляется именно в России³. Утопия и антиутопия, эсхатология и апокалиптика, декаданс и мессианская экзальтация выступали характерными чертами «духа времени», проявляющегося в духовном кризисе и духовном поиске новых горизонтов и перспектив эпохи. Как отмечает Т.Ю. Сидорина, русскую мысль предреволюционной эпохи отличает широкий спектр рассмотрения кризисной тематики – «от теоретического и историко-культурного анализа кризисной проблематики к острой социально-философской публицистике»⁴. В то время, по замечанию А.А. Ермичева, «происходит стирание граней между искусством и жизнью – самих носителей этих движений и деятельности», что является проекцией «нового религиозного сознания»⁵. Символисты сами «жили в состоянии непрерывных ожиданий, причем ожиданий не вполне определенных, но зато апокалиптического, катастрофического размаха. Эти предчувствия придавали их стихам и статьям особый, пророческий тон, и многие из грядущих событий, как личной жизни, так и мировой, они сумели предугадать»⁶. Достаточно вспомнить предсказание революции 1917 года футуристом Велимиром Хлебниковым в его «уравнении Рока». Под знаком апокалиптики проходит деятельность «нового религиозного сознания» и его идейного лидера Д.С. Мережковского. Эсхатологию – как «дух времени» предреволюционной России – мыслитель называет душой России, Религией Конца⁷.

По мысли Н.А. Бердяева, предельность эсхатологических тем в большей степени была свойственна великим русским писателям, нежели профессиональным философам⁸. Эсхатологическая тема присутствует у многих русских писателей, поэтов и мыслителей-публицистов: у Ф.М. Достоевского в «Легенде о Великом инквизиторе», в созвучных ему «Трех разговорах» В.С. Соловьева, в продолжающей их тематику «Эсхатологической фантазии» Л.А. Тихомирова. Эсхатологизм свойственен творчеству Л.Н. Андреева, А. Блока, А. Белого, им пронизаны книги В.В. Розанова «В темных религиозных лучах», «Апокалипсис нашего времени». Но и «профессиональные» философы внесли не мень-

² См.: Флоровский Г.В. Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 408–409 [3].

³ См.: Шестаков В.П. Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры. М.: ЛКИ, 2007. С. 5 [4].

⁴ См.: Сидорина Т.Ю. Философия кризиса. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 281 [5].

⁵ См.: Ермичев А.А. Суждения Н.А. Бердяева о «русском культурном ренессансе» и настоящее значение этого термина // *Studia culturae*. Вып. 2. СПб.: Санкт-Петербург. филос. о-во, 2002. С. 11 [6].

⁶ См.: История русской философии: учеб. / под ред. М.А. Маслина. М.: КДУ, 2008. С. 405 [7].

⁷ См.: Мережковский Д.С. Атлантида – Европа: Тайна Запада. М.: Русская книга, 1992. С. 22 [8].

⁸ См.: Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики: Творчество и объективация // *Дух и реальность*. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. С. 407 [9].

ший вклад в развитие эсхатологической проблематики. Достаточно вспомнить «религию воскрешения» Н.Ф. Федорова (отнесем ее сюда), «эсхатологическую метафизику» Н.А. Бердяева, «софиологию смерти» С.Н. Булгакова и его же работы по апокалиптике, труды по эсхатологической и утопической проблематике Г.В. Флоровского, «учение о перевоплощении» Н.О. Лосского. Под редакцией последнего был выпущен сборник «Переселение душ: Проблема бессмертия в оккультизме и христианстве»⁹, куда вошли работы «Учение о переселении душ (религиозно-исторический очерк)» С.Л. Франка, «Христианство и штейнерианство» С.Н. Булгакова, «Учение о перевоплощении и проблема человека» Н.А. Бердяева, «Единство личности и проблема перевоплощения» В.В. Зеньковского, «Бессмертие, перевоплощение и воскресение» Б.П. Вышеславцева, «О воскресении мертвых» Г.В. Флоровского. Даже те русские мыслители, которые не занимались эсхатологией специально, в ряде своих метафизических построений касались ее проблематики. Так, например, П.А. Флоренский, философски развивавший идеи математической прерывности – аритмологии (концепции, предложенной представителями Московской философско-математической школы, в частности Н.В. Бугаевым), говорил о «трещинах бытия», свидетельствующих о близости Конца¹⁰.

Многим мыслителям Серебряного века было свойственно ощущение расколотости мира, чувство близости к последней черте, например: С.Л. Франку, считавшему, что «всеединство бытия есть надтреснутое, расколотое, внутренне противоречивое, антагонистическое *дву-единство*»; В.В. Зеньковскому, писавшему (со ссылкой на Франка): «Мир как целое предстоит перед нами *в некоем уже поврежденном состоянии* – и жизнь природы свидетельствует о «трещине» в бытии (что богословие связывает с первородным грехом) с такой силой, что только зачарованностью реальным бытием можно объяснить ошибочную мысль, будто в природе все «естественно»»; Г.В. Флоровскому, полагающему, что «только в опыте веры, в религиозном опыте, раскрывается метафизическая расколотость бытия, бездна отпадения»; С.Н. Булгакову, писавшему: «Не цельность, а разорванность, постоянное движение во времени составляют наш удел»; Н.А. Бердяеву, для которого распад мира был связан с действием законов детерминизма объективированного бытия, за которым стоит истинная реальность – царство экзистенциальной свободы¹¹.

Духовный кризис, сопутствуемый апокалиптическим предчувствиям, особенно усилился в период между двумя революциями и двумя войнами (еще ра-

⁹ См.: Переселение душ: Проблема бессмертия в оккультизме и христианстве: сб. ст. / под ред. Н.О. Лосского. Париж: YMCA-Press, 1936. 165 с. [10].

¹⁰ См.: Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах // Соч. в 2 т. Т. I. Ч. 1. М.: Правда, 1990. С. 127 [11].

¹¹ См.: Франк С.Л. Непостижимое (Онтологическое введение в философию религии) // Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 433 [12]; Зеньковский В.В. Основы христианской философии // Христианская философия. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 119 [13]; Флоровский Г.В. Метафизические предпосылки утопизма // Вера и культура: избранные труды по богословию и философии. СПб.: РХГИ, 2002. С. 220 [14]; Булгаков С.Н. Апокалиптика и социализм (Религиозно-философские параллели) // Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993. С. 387 [15].

нее появился русский терроризм). Так, в период Первой мировой войны в армии набирает особую популярность игра в «русскую рулетку»; происходит множество беспрецедентно жестоких и бессмысленных дуэлей¹². Также было замечено, что перед революцией произошло резкое увеличение количества фотографий и портретов представителей всех сословий, – как будто сама эпоха, чувствуя неизбежную гибель, пыталась запечатлеть себя в документальном виде. Многие ждали революции как религиозного события¹³. Ее осуществление, как в свое время церковный раскол, истолковывалось многими мыслителями в эсхатологических, апокалиптических образах. Разрушение старой России интерпретировалось как уход из истории, как признак воцарения Антихриста¹⁴. Гибель своей эпохи русские философы связывали с крушением целого мировоззрения, которое, по их собственной оценке, было идеалистично, оторвано от почвы, утопично. Зарождение термина *ренессанс* происходит ретроспективно, в среде эмиграции. Так, евразиец Петр Сувчинский в статье «Два Ренессанса. 1890–1900-е и 1920-е годы», вышедшей в первом номере «Верст» (1926), впервые использует слово «ренессанс» как характеристику социально-культурной ситуации в России рубежа XIX–XX веков¹⁵. Период подъема русской философско-художественной мысли 1890–1900-х годов, представленный В.С. Соловьевым, Н.С. Трубецким, З.Н. Гиппиус, В.В. Розановым, А.А. Блоком, А. Белым, А.Н. Бенуа, «Миром искусства», «символизмом», П.П. Сувчинский связал с бурными процессами общественно-политической жизни и общим духовным кризисом, охватившим все социальные слои общества. Он обращает внимание на проблему установления некоей закономерности, при которой кризисы и катастрофы неизменно совпадают с начальными сроками ренессансных процессов, «срывая их эволюционную планомерность, размыкая непосредственную преемственность и, тем самым, двигая жизнь поступательными толчками и жестокими переборами»¹⁶. При этом главным для него выступает культурная и социально-политическая роль интеллигенции в данных процессах. Интеллигенция, исцеленная от нигилизма 60–80-х годов XIX века (после реформ 1861 года), перестает чувствовать центральность социальной проблемы. Но она начинает ощущать политическое неблагополучие, переключаясь

¹² См.: Синявская Е.С. Отношение к жизни и смерти участников первой мировой войны: очерк фронтовой повседневности // Былые годы. Сочи: Сочинский государственный университет, 2012. № 3(25). С. 30–41 [16].

¹³ См., например: Нилус С.А. Близ есть, при дверях: О том, чему не желают верить и что так близко. М.: Альта-Принт, 2004. 320 с. [17]; Нилус С.А. Великое в малом и антихрист как близкая политическая возможность. Записки православного. М.: Благовест, 1992. 392 с. [18]; а также цикл телепередач: Разумовский Ф.В. Вершины и бездны Серебряного века [Цикл телепередач, 12 серий], 2008. Архив телеканала «Культура». URL: <http://tvkultura.ru/ФеликсРазумовский/Ктомы?/tvkultura.ru> [19].

¹⁴ См.: Россия перед вторым пришествием / сост. С.В. Фомин. М.: Посад, 1993. 384 с. [20].

¹⁵ См.: Ермичев А.А. Суждения Н.А. Бердяева о «русском культурном ренессансе» и настоящее значение этого термина. С. 9.

¹⁶ Цит. по: Бердяев Н.А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991. С. 91 [23].

на политические игрища, что Сувчинский связал с отрывом от народных масс, приводящим ее к утрате пассионарности и угасанию воли. Как остроумно заметил мыслитель, интеллигенция уже оторвалась от почвы, но еще не достигла неба, повиснув подобно пыли.

Н.А. Бердяев, которому традиционно приписывают авторство понятия *ренессанс* для характеристики ситуации в культурной жизни России данного периода, использовал его все же после Сувчинского – в статье «Русская религиозная мысль и революция», вышедшей только в третьем номере того же сборника «Версты» (1928)¹⁷. Но именно эта и последующие работы Бердяева способствовали популяризации данного понятия. В дальнейшем Бердяев активно развивал проблему «ренессанса» в работах «Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь» (к десятилетию «Пути»)» (1935); «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937); «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века» (1946); «Самопознание. Опыт философской автобиографии» (1949).

Говоря о русском ренессансе духовной культуры, достигшей в начале XX века предельной утонченности, Н.А. Бердяев сомневался, что этот ренессанс был религиозным. Он считал, что для этого не хватало ни достаточной религиозной воли, ни достаточного вовлечения широких народных слоев: «Это было все-таки движение культурной элиты, оторванной не только от процессов, происходивших в народной массе, но и от процессов, происходивших в широких кругах интеллигенции»¹⁸. Философ сравнивал ренессанс скорее с романтическим и идеалистическим движением начала XIX века. Ренессанс сопровождался декадансом, духовный поиск – духовным кризисом. Для его культуры были характерны бурные духовные переходы «от марксизма к идеализму, от идеализма к православию, от эстетизма и декадентства к мистике и религии, от материализма и позитивизма к метафизике и мистическому мироощущению»¹⁹. Причиной таких духовных шатаний Бердяев считал разложение интеллигентского мирозерцания, ориентированного на социальные цели; разрыв с русским просветительством и позитивизмом, переход с внешнего на внутреннее, обращение к «потустороннему». Причем наряду с серьезными исканиями, сопровождающимися глубоким духовным кризисом, была и мода на мистику, оккультизм, эстетизм, мода на пренебрежительное отношение к этике²⁰.

¹⁷ См.: Бердяев Н.А. Русская религиозная мысль и революция // Версты. Париж, 1928. № 3. С. 40–62 [21].

¹⁸ См.: Бердяев Н.А. Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал «Путь» (к десятилетию «Пути») // Путь. 1935. № 49. С. 3 [24].

¹⁹ Там же.

²⁰ Впрочем, как считает А.А. Ермичев, понимание ренессанса Бердяевым и действительный культурный подъем начала XX века не совпадают, так как философ «обращает внимание на психологию весьма узкого круга лиц – создателей “ренессанса” в его понимании и на образуемое ими общественное религиозно-философское и религиозно-литературное движение» [6, с. 10].

Основной проблемой XIX и XX веков Н.А. Бердяев называет проблему взаимоотношения творчества (культуры) и жизни (бытия). Вопрос ставится так: создавать или быть? Гении *творили*, но недостаточно *были*; святые *были*, но мало *творили*. Творчество рождается из недостатка и несовершенства. Совершенные перестают творить. Творчество антагонистично, с одной стороны, совершенству человека, с другой – совершенству культуры. Творчество есть грань между созданием ценностей культуры и личным совершенством. Оно есть продление дела Божьего творения²¹. Антагонизм культуры и личного совершенства говорит о том, что в мире не было еще религиозной эпохи творчества (Царства Духа). Только с ее наступлением творчество выйдет из тисков личного совершенства и совершенства ценностей культуры. Мировой кризис культуры, по мысли Бердяева, должен вывести из этой противоположности, а современная культура, согласно мыслителю, подошла к глубочайшему внутреннему кризису. Причем, что парадоксально, культура по самой своей сути и смыслу есть великая неудача. Философия и наука – неудача в творческом познании истины, искусство – неудача в творчестве красоты, семья – неудача в творчестве любви, мораль – неудача в творчестве человеческих отношений, и т.д. Культура есть неудача творческого преображения бытия. Культура кристаллизует человеческие неудачи²². Все достижения культуры символические, а не реалистические. Культура столь же символична, сколь и породивший ее культ, который есть религиозная неудача. Культ является религиозным источником культуры, сообщая ей свой символизм. И все великое в культуре есть символически-культовое, но не реально-бытийственное. Кризис культуры – это последняя воля человека к переходу от символически-условных достижений к достижениям реально-абсолютным. Кризис свидетельствует о том, что человек стремится не к символу истины, а к самой истине, не к символу богообщения, а к самому богообщению. Эсхатология есть символ этого кризиса. Бердяев пишет: «Неудача и неудовлетворительность культуры связана с тем, что культура во всем закрепляет плохую бесконечность, никогда не достигает вечности. Культура есть лишь творчество плохой бесконечности, бесконечной срединности. Поэтому культура метафизически буржуазна. Творчество вечности есть приведение всякой культуры к концу, к пределу, т.е. преодоление плохой бесконечности» [25, с. 522]. Кризис культуры означает невозможность дальнейшего существования культуры дурной бесконечности. Грядущая мировая эпоха станет сверхкультурной религиозной творческой эпохой, в которой культура будет преодолена изнутри, через имманентный приход мирской культуры к религиозной жизни.

На пути эсхатологически-экзистенциального выхода к трансценденции стоит эсхатологический суррогат – утопия. В ней происходит подмена реального (трансцендентного) разрешения проблемы творчества и свободы (устранение антино-

²¹ См.: Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека // Философия свободы; Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 521 [25].

²² Там же.

мий, снятие объективаций) их символическим разрешением – отодвижением их в неопределенно будущее время, где мнится их имманентное решение. Основными чертами утопии выступают ее целостность, тоталитарность, безличность. В утопии, отмечает Н.А. Бердяев, «человек живет в раздробленном мире и мечтает о мире целостном. Целостность есть главный признак утопии. <...> Утопия всегда тоталитарна, и тоталитаризм всегда утопичен в условиях нашего мира. <...> В сущности утопия всегда враждебна свободе» [26, с. 667]²³.

Мыслитель рассматривает утопию с точки зрения экзистенциализма, он называет основным трагизмом существования человека то, что в нашем мире все индивидуальное и личное особенно подвержено смерти. Чем более личность реализует себя, чем более индивидуализируется, чем ближе приближается к вечности, тем более она подвержена опасности смерти. В отличие от личности, безличное не знает смерти. Обезличивание вполне оправдывается большинством людей, для которых путь собственной реализации оказывается слишком болезненным и трагическим. По этой причине личность так часто в истории отказывается от себя в пользу обезличивания²⁴. Дионисийское растворение индивида в массе, где исчезает все индивидуальное и господствует универсальное, является натуралистическим бессмертием, которое, однако, не выходит в вечность подлинного экзистенциального существования, а остается во власти дурной (объективированной, математической) бесконечности. Согласно Бердяеву, в утопии преодолевается раздробленность мира путем того, что иррациональные, стихийные силы принимают форму крайней рациональности. Это рациональность предельной объективированности и тотального безличия. По этой причине в условиях нашего мира утопия тоталитарна и безлична, а тоталитаризм всегда утопичен. Утопия враждебна свободе, а значит, человеку. В этом смысле антиутопия гуманнее утопии, так как в ней присутствует горизонт свободы: динамика борьбы личности за свою свободу, против безличия коллективной морали, пуританских авторитетов и ценностей. Утопия есть одно из самых соблазнительных порождений объективации (наравне с культурой и историей).

Утопические представления Н.А. Бердяев связывал с мессианскими ожиданиями, а также с теорией прогресса. Мессианизм же традиционно считается одним из способов теодицеи. Посредством осознания своей богоизбранности и ожидания в будущем исключительного для себя положения «народ-богоносец» смиряется с неудовлетворенностью своей исторической судьбы в настоящем, перенося все чаяния в будущее. Однако уровень душевного напряжения не длится долго, тогда, как пишет Бердяев, «при поражении мессианизма победного на первый план выступает мессианизм страдальческий»²⁵. В этом слу-

²³ То же у С.Н. Булгакова: «...именно относительно последних целей, последних мотивов своей деятельности, коренящихся в самых глубоких и коренных свойствах души, человек чувствует себя наименее свободным» [27, с. 45]; а также: «Мы имеем потребность цельности, нося в себе образ абсолютного, но, оставаясь в оковах временности, вмещаем эту абсолютность, эту цельную жизнь только по частям» [15, с. 387].

²⁴ См.: Бердяев Н.А. Я и мир объектов: Опыт философии одиночества и общения // Дух и реальность. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. С. 153 [28].

²⁵ См.: Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики: Творчество и объективация. С. 526.

чае силы черпаются уже не из экзальтированно-возбужденной радости ожидания конца времен, а из упоения своей богооставленностью. Религиозно-психологическая структура мессианизма устойчива в разных культурно-исторических и политических формах. Экзальтация в ожидании скорейшего прихода миссии есть тот же духовный подъем, что и в религиозных войнах, революциях, коммунизме, сектантстве и прочем. В секуляризованном мире мессианские и хилиастические чувства сублимируются, получая рациональное выражение в позитивистской теории прогресса²⁶. На поверхности, выступая против традиционных религий, данная теория является антирелигиозной, но она сама превратилась в своего рода религию XIX века²⁷.

Учение о прогрессе, в отличие от теории эволюции, основано на вере. В нем заложена бессознательная вера в то, что в будущем будут разрешены все задачи всемирной истории человечества. В эту эпоху будет жить поколение избранных, а все предшествующее человечество является лишь орудием достижения «золотого века», но в нем своего удела иметь не будет. Теория прогресса не дает разрешения проблемы судьбы отдельной личности, живущей в любую эпоху, что является неприемлемым ни религиозно, ни морально. Бердяев называет религию прогресса религией смерти, так как для бесконечной массы человеческих поколений существует только один удел – смерть и могила, и только для последнего поколения избранных будет уготован «мессианский пир». Эти избранные являются вампиром по отношению ко всем предыдущим поколениям человечества²⁸. Теория прогресса неудовлетворительна не только с моральной точки зрения, но и с метафизической.

Основной проблемой метафизики истории Н.А. Бердяев называет проблему времени, заключающуюся в разорванности прошлого, настоящего и будущего. Только преодолев эту разорванность, считал он, можно преодолеть порочную природу времени и выйти в вечность. Ни одна теория прогресса не выходит в вечность, оставаясь в дурном времени. Родственная концепциям прогресса утопия земного рая также несостоятельна, так как предполагает имманентное истории осуществление²⁹. Она всецело остается в трех измерениях земной истории, не переходя в историю небесную. Согласно мыслителю, концепция прогресса несостоятельна еще и потому, что в мире идет нарастание не только положительных христианских сил, но и отрицательных антихристианских. Апокалиптическое грядущее двойственно: нарастает как доброе, так и злое начало. Антихрист есть проблема метафизики истории. Он есть явление не старого зла, унаследованного от первоначальной стадии человеческой истории (которое должно изживаться со временем), а нового зла грядущего века.

²⁶ Эсхатологический характер прогресса также отмечает С.Н. Булгаков: «Позитивная теория прогресса является своего рода эсхатологией, призванной воодушевить борцов и поддержать религиозную веру в конечное торжество добра» [29, с. 80].

²⁷ См.: Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. С. 145 [30].

²⁸ Там же. С. 148.

²⁹ Там же. С. 149.

Мыслитель был убежден в том, что положительное разрешение метафизики истории возможно лишь в рамках христианской философии истории, которая, по существу, не может быть не апокалиптической³⁰. Конец существующего мира и рождение мира нового он связывал с грядущей персоналистической революцией³¹. Но с горечью вынужден был признать, что мечтательный утопизм XIX столетия, пройдя через эсхатологические ожидания, сменился в России тоталитарной утопией XX века.

Список литературы

1. Fin de siècle [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Fin_de_siècle (дата обращения: 13.12.2013).
2. Зеньковский В.В. История русской философии. В 2 т. Т. II. Ч. 1. Л.: Прометей, 1991. 183 с.
3. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
4. Шестаков В.П. Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры. М.: ЛКИ, 2007. 208 с.
5. Сидорина Т.Ю. Философия кризиса. М.: Флинта; Наука, 2003. 456 с.
6. Ермичев А.А. Суждения Н.А. Бердяева о «русском культурном ренессансе» и настоящее значение этого термина // *Studia culturae*. Вып. 2. СПб.: Санкт-Петерб. филос. о-во, 2002. С. 9–24.
7. История русской философии: учеб. / под ред. М.А. Маслина. М.: КДУ, 2008. 638 с.
8. Мережковский Д.С. Атлантида – Европа: Тайна Запада. М.: Русская книга, 1992. 416 с.
9. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики: Творчество и объективация // *Дух и реальность*. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. С. 381–564.
10. Переселение душ: Проблема бессмертия в оккультизме и христианстве: сб. ст. / под ред. Н.О. Лосского. Париж: YMCA-Press, 1936. 165 с.
11. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах // *Соч. в 2 т. Т. I. Ч. 1*. М.: Правда, 1990. 490 с.
12. Франк С.Л. Непостижимое (Онтологическое введение в философию религии) // *Сочинения*. М.: Правда, 1990. С. 183–603.
13. Зеньковский В.В. Основы христианской философии // *Христианская философия*. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 12–147.
14. Флоровский Г.В. Метафизические предпосылки утопизма // *Вера и культура: избранные труды по богословию и философии*. СПб.: РХГИ, 2002. С. 197–228.
15. Булгаков С.Н. Апокалиптика и социализм (Религиозно-философские параллели) // *Сочинения в 2 т. Т. 2*. М.: Наука, 1993. С. 368–434.
16. Синявская Е.С. Отношение к жизни и смерти участников первой мировой войны: очерк фронтовой повседневности // *Былые годы*. Сочи: Сочинский государственный университет, 2012. № 3(25). С. 30–41.
17. Нилус С.А. Близ есть, при дверях: О том, чему не желают верить и что так близко. М.: Альта-Принт, 2004. 320 с.
18. Нилус С.А. Великое в малом и антихрист как близкая политическая возможность. Записки православного. М.: Благовест, 1992. 392 с.
19. Разумовский Ф.В. Вершины и бездны Серебряного века [Цикл телепередач, 12 серий], 2008. Архив телеканала «Культура» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tvkultura.ru/Феликс_Разумовский/Кто_мы?/tvkultura.ru

³⁰ См.: Бердяев Н.А. Смысл истории. С. 159.

³¹ См.: Бердяев Н.А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. С. 305.

20. Россия перед вторым пришествием / сост. С.В. Фомин. М.: Посад, 1993. 384 с.
21. Бердяев Н.А. Русская религиозная мысль и революция // Версты. Париж, 1928. № 3. С. 40–62.
22. Бердяев Н.А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991. 448 с.
23. Колобова Ю.И. Личность и творческая деятельность П.П. Сувчинского в культуре XX века: дис. ... канд. культурол. наук: 24.00.01. Киров, 2006. 155 с.
24. Бердяев Н.А. Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал «Путь» (к десятилетию «Пути») // Путь. 1935. № 49. С. 3–22.
25. Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека // Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 254–534.
26. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря // Дух и реальность. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. С. 567–671.
27. Булгаков С.Н. Закон причинности и свобода человеческих действий // От марксизма к идеализму: сб. ст. (1896–1903). СПб.: Т-во «Общественная польза», 1903. С. 35–52.
28. Бердяев Н.А. Я и мир объектов: Опыт философии одиночества и общения // Дух и реальность. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. С. 25–156.
29. Булгаков С.Н. Основные проблемы теории прогресса // Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993. С. 46–94.
30. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 176 с.

References

1. Fin de siècle. Available at: http://ru.wikipedia.org/wiki/Fin_de_siècle (address date: 13.12.2013).
2. Zen'kovskiy, V.V. *Istoriya russkoy filosofii, v 2 t., t. II, ch. 1* [History of Russian philosophy, in 2 vol., vol. II, part 1], Leningrad: Prometei, 1991, 183 p.
3. Florovskiy, G.V. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian Theology], Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2009, 848 p.
4. Shestakov, V.P. *Eschatologiya i utopiya: Ocherki russkoy filosofii i kul'tury* [Eschatology and Utopia: Sketches of the Russian History and Culture], Moscow: LKI, 2007, 208 p.
5. Sidorina, T.Yu. *Filosofiya krizisa* [Philosophy of Crisis], Moscow: Flinta; Nauka, 2003, 456 p.
6. Ermichev, A.A. Suzhdeniya N.A. Berdyayeva o «russkom kul'turnom renessanse» i nastoyashchee znachenie etogo termina [N.A. Berdyayev's judgments about «The Russian Cultural Renaissance» and the true value of this term], in *Studia culturae*. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2002, issue 2, pp. 9–24.
7. Maslin, M.A. *Istoriya russkoy filosofii* [A History of Russian Philosophy], Moscow, 2008, 638 p.
8. Merezhkovskiy, D.S. *Atlantida – Evropa: Tayna Zapada* [Atlantis/Europe: The Secret of the West], Moscow: Russkaya kniga, 1992, 416 p.
9. Berdyayev, N.A. Opyt eschatologicheskoy metafiziki: Tvorchestvo i ob'ektivatsiya [The Experience of Eschatological Metaphysics: Creativity and Objectivization], in *Dukh i real'nost'* [Spirit and Reality], Moscow: AST; Khar'kov: Folio, 2006, pp. 381–564.
10. Pereselenie dush: Problema bessmertiya v okkul'tizme i khristianstve [Resettlement of Souls: The Problem of Immortality in an Occultism and Christianity], in *Sbornik statey* [Collection of Articles], Paris: YMCA-Press, 1936, 165 p.
11. Florenskiy, P.A. Stolp i utverzhenie istiny: Opyt pravoslavnoy teoditsei v dvenadtsati pis'makh [The Pillar and Ground of the Truth: An Essay in Orthodox Theodicy in Twelve Letters], in *Sochineniya v 2 t., t. I, ch. 1* [Composition in 2 vol., vol. I, part 1], Moscow: Pravda, 1990, 490 p.
12. Frank, S.L. Nepostizhimoe (Ontologicheskoe vvedenie v filosofiyu religii) [Incomprehensible (Ontological introduction to the Philosophy of religion)], in *Sochineniya* [Compositions], Moscow: Pravda, 1990, pp. 183–603.
13. Zen'kovskiy, V.V. *Osnovy khristianskoy filosofii* [Fundamentals of Christian Philosophy], in *Khristianskaya filosofiya* [Christian Philosophy], Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2010, pp. 12–147.

14. Florovskiy, G.V. *Metafizicheskie predposylki utopizma* [Metaphysical Prerequisites of Utopianism], in *Izbrannyye trudy po bogosloviyu i filosofii «Vera i kul'tura»* [The Chosen Works of Divinity and Philosophy «Belief and culture»], Saint-Petersburg, 2002, pp. 197–228.
15. Bulgakov, S.N. *Apokaliptika i sotsializm (Religiozno-filosofskie paralleli)* [Apokaliptika and a socialism (Religious and Philosophical parallels)], in *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Compositions in 2 vol., vol. 2], Moscow: Nauka, 1993, pp. 368–434.
16. Sinyavskaya, E.S. *Otnoshenie k zhizni i smerti uchastnikov pervoy mirovoy voyny: ocherk frontovoy povsednevnosti* [Relation to Life and Death of Participants of World War I: The Sketch of Front's Daily Occurrence], in *Bylye gody* [Former Years], Sochi: Sochinskiy gosudarstvennyy universitet, 2012, no. 3(25), pp. 30–41.
17. Nilus, S.A. *Bliz est' pri dverekh: O tom, chemu ne zhelayut verit' i chto tak blizko* [Near is at Doors: About to what don't wish to trust and that is so close], Moscow: Al'ta-Print, 2004, 320 p.
18. Nilus, S.A. *Velikoe v malom i antikhrisť kak blizkaya politicheskaya vozmozhnost'*. *Zapiski pravoslavnago* [The Great within the Small and Antichrist as an Imminent Political Possibility. Notes of an Orthodox Believer], Moscow: Blagovest, 1992, 392 p.
19. Razumovskiy, F.V. *Vershiny i bezdny Serebryanogo veka (Tsikl teleperedach, 12 seriy)*. *Arkhiv telekanala «Kul'tura», 2008* [Tops and Chasms of the Silver Age (Cycle of telecasts, 12 series). Channel TV Kultura's Archive]. Available at: http://tvkultura.ru/Feliks_Razumovskiy/Kto_my?/tvkultura.ru.
20. Fomin, S.V. *Rossiya pered vtorym prishestviem* [Russia before the Second Moming], Moscow: Posad, 1993, 384 p.
21. Berdyaev, N.A. *Russkaya religioznaya mysl' i revolyutsiya* [Russian Religious Thought and Revolution], in *Versty*. Parizh, 1928, no. 3, pp. 40–62.
22. Berdyaev, N.A. *Samopoznanie: Opyt filosofskoy avtobiografii* [Self-Knowledge: An Essay in Autobiography], Moscow: Kniga, 1991, 448 p.
23. Kolobova, Y.I. *Lichnost' i tvorcheskaya deyatelnost' P.P. Suvchinskogo v kul'ture XX veka*. Diss. kand. kul'turolog. nauk [Personality and creative activity of P.P. Suvchinsky in Culture of the XX century. Cand. cultural sci. diss.], Kirov, 2006, 155 p.
24. Berdyaev, N.A. *Russkiy dukhovnyy renessans nachala XX veka i zhurnal «Put'» (k desyatiletiiu «Puti»)* [Russian Spiritual Renaissance of the beginning of the XX century and the Put magazine (By a decade of «Way»)], in *Put'*, 1935, no. 49, pp. 3–22.
25. Berdyaev, N.A. *Smysl tvorchestva: Opyt opravdaniya cheloveka* [Sense of creativity: Experience of a justification of the person], in *Filosofiya svobody: Smysl tvorchestva* [Philosophy of freedom; Sense of the Creativity], Moscow: Pravda, 1989, pp. 254–534.
26. Berdyaev, N.A. *Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya* [Kingdom of Spirit and Kingdom of the Caesar], in *Dukh i real'nost'* [Spirit and Reality], Moscow: AST; Khar'kov: Folio, 2006, pp. 567–671.
27. Bulgakov, S.N. *Zakon prichinnosti i svoboda chelovecheskikh deystviy* [The Law of Causality and Freedom of Men's Acts], in *Sbornik statey (1896–1903) «Ot marksizma k idealizmu»* [Collection of articles (1896–1903) «From Marxism to Idealism»], Saint-Petersburg: Tovarishchestvo «Obshchestvennaya pol'za», 1903, pp. 35–52.
28. Berdyaev, N.A. *Ya i mir ob»ektov: Opyt filosofii odinochestva i obshcheniya* [I and World of Objects: Experience of Philosophy of Loneliness and Communication], in *Dukh i real'nost'* [Spirit and Reality], Moscow: AST; Khar'kov: Folio, 2006, pp. 25–156.
29. Bulgakov, S.N. *Osnovnye problemy teorii progressa* [Main problems of the theory of progress], in *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Composition in 2 vol., vol. 2], Moscow: Nauka, 1993, pp. 46–94.
30. Berdyaev, N.A. *Smysl istorii* [Sense of History]. Moscow: Mysl', 1990, 176 p.